

2. Дулов А. В. Судебная фотография: учебное пособие, издание 2-е // Минск, Высшая школа, 1978. Глава 1, С. 5–12, С. 190.
3. Ефремов А. Секреты RAW. Фотосъемка в профессиональном формате. 2 издание // «Питер», 2010. С. 148.
4. Толстой А. RAW // Linux Format № 9 (122), сентябрь 2009.
5. Солоницын Ю. А. Формат RAW – новые возможности коррекции фотоизображений // Издательство: Издательский дом «Питер», С. 96.
6. Якимов А. Новые методы криминалистического исследования фотоснимков, полученных при производстве следственных действий // Законность и правопорядок, №2(22), 2012, С. 50–56.

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 284 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (НАРУШЕНИЕ ВЕТЕРИНАРНЫХ ПРАВИЛ)

А. А. Пухов

Объект посягательства во многом определяет конструкцию конкретного состава преступления, место преступления в системе норм Особенной части Уголовного кодекса (далее – УК), помогает отграничивать одни преступные деяния от других [1, с. 37]. В отечественной науке уголовного права выделяют общий, групповой, родовой, видовой и непосредственный объекты преступления.

В качестве непосредственного объекта нарушения ветеринарных правил наибольшее распространение в литературе получили следующие суждения: 1) «экологическая безопасность» (В.В. Марчук, Б.В. Яцененко, И.Л. Марогулова, Н.Г. Иванов), 2) ее отраслевая составляющая – отношения в области охраны животного мира (Ю.И. Ляпунов, Л.Ю. Родина, С.Н. Радачинский, В.П. Ревин, А.Б. Мельниченко, В.А. Нерсисян), 3) синтез этих концепций (И.М. Тяжкова, Э.Н. Жевлаков, А.В. Борбат, А.И. Чучаев, А.Г. Князев, Д.Б. Чураков, А.И. Чучаев). Рядом исследователей были предприняты и другие попытки раскрыть сущность непосредственного объекта нарушения ветеринарных правил: Т.И. Ваулина – «экологическая безопасность в сфере обеспечения защиты населения от болезней, общих для человека и животных», В.В. Коряковцев, К.В. Питулько – «отношения в сфере охраны животного мира, установленный порядок ветеринарного обеспечения сельскохозяйственного производства, В.В. Сверчков, И.Ш. Борчашвили – «урегулированная правилами ветеринарии экологическая безопасность общества, обеспечивающая общественно полезную деятельность в сфере животноводства». Последними отмечалось, что дополнительным объектом могут выступать жизнь и здоровье животных, здоровье людей, жизнеспособность и экологическое равновесие экосистем.

По нашему мнению, наиболее приемлемый подход был предложен известным ученым О.Л. Дубовик. В ее работах впервые в отечественной литературе встречается формулировка «общественные отношения в области ветеринарно-санитарной безопасности» [2, с. 735]. По утверждению О. Л. Дубовик, «рассматриваемая норма направлена на обеспечение санитарно-эпидемиологической и ветеринарной безопасности населения и территории государства, т.е. охраны жизни и здоровья населения, животных от инфекционных заболеваний, заносимых как из иностранных государств, так и от источников внутри страны» [3, с. 144]. Исследователь указывала на цель применения этой нормы, не затрагивая содержательный аспект понятия «ветеринарно-санитарная безопасность». Это обстоятельство позволяет предложить следующую трактовку общественных отношений по обеспечению ветеринарно-санитарной безопасности – это комплекс (система) правовых, экономических, технологических, организационных и иных мер, опосредующих ветеринарную (и иную) деятельность, и направленных на обеспечение ветеринарного благополучия.

В литературе последовательно проводится мысль, что состав нарушения ветеринарных правил относится к числу преступлений против экологической безопасности. Следовательно, родовым объектом рассматриваемого преступления выступает «экологическая безопасность». Непосредственный объект преступления имманентно существует внутри родового объекта преступления. Он синхронно должен как отражать принципиальное содержание родового объекта, так и специфицировать его, «уменьшать его объем», придавая тем самым ему неповторимость и уникальность. Вместе с тем, полагаем, что в иерархии отношений по обеспечению экологической (родовой) и ветеринарно-санитарной (непосредственный) безопасности отсутствует соединительный элемент. В данном случае, речь идет о необходимости внедрения видового объекта. Как справедливо замечает, А. В. Пашковская, «видовой объект занимает промежуточное положение между родовым и непосредственным и является, таким образом, частью, подсистемой родового объекта, находясь с ним в соотношении «род – вид». Поэтому видовой объект можно обозначить как подгруппу близких, сходных социальных благ, входящую в более широкую группу однородных, однопорядковых ценностей [4, с. 215].

В этой связи, можно предположить, что часть уже существующих составов экологических преступлений (ст.ст. 278, 279, 280, 284 УК Республики Беларусь (далее – РБ)) по своей направленности посягает на так называемую «биологическую безопасность» [5, с. 87]. Общественная опасность перечисленных составов подчеркивается имманентными угрозами, связанными с возросшим влиянием экспериментальных биоло-

гии и медицины (в том числе и ветеринарной). Биологическая безопасность, как возможный видовой объект преступлений, представляет собой определенную новеллу уголовного права. Следовательно, этому нововведению свойственна определенная дискуссионность относительно содержательного аспекта термина. На основании критерия близости научных взглядов трактовки «биобезопасности» можно дифференцировать на две группы.

Теоретическим базисом для первой группы исследователей – являются Конвенция Организации Объединенных Наций (далее – ООН) от 05.06.1992 г. «О биологическом разнообразии» и Картахенский протокол ООН от 29.01.2000 г. «По биобезопасности к конвенции о биологическом разнообразии». Цель этих международных актов состоит в формировании правовых основ охраны биологического разнообразия от потенциальных угроз, представляемых живыми модифицированными организмами, произведенными с помощью современных биотехнологий. Вместе с тем, в этих актах содержание термина «биобезопасность» не разъясняется. Это обстоятельство, позволило определенной группе ученых (Л.В. Струтиньска-Струк, А.Г. Авдей, А.С. Спиринов, В.Р. Гофман, Т.И. Макарова, солидарно: С.Е. Дромашко, Е.Н. Макеева, Е.Г. Попов,) лимитировать объем рассматриваемого понятия до отношений в сфере обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности.

Другая группа ученых – Ю.А. Лякишева, О.С. Машкина и А.К. Буторина, Н. И. Калинина, Т.Е. Попова и Е.В. Попова трактуют указанный термин значительно шире как защищенность человека, общества, государства, цивилизации и окружающей среды от вредного воздействия, опасного для жизни и здоровья людей токсичных и аллергенных биологических веществ и соединений, содержащихся в природных или генно-инженерно-модифицированных биологических объектах и полученных из них продуктов.

В целом, разночтения относительно контекста термина биобезопасность обусловлены: 1) издержками текстуального перевода, 2) новизной и 3) нестабильностью дефинитивного статуса. Его заимствование произошло из англоязычной литературы. Поэтому терминологически, в рамках русскоязычной интерпретации «биобезопасности» существуют 2 направления: «biosafety» и «biosecurity». Первый термин «biosafety» – используется, когда речь идет о безопасности биотехнологий (в том числе в генной инженерии) для здоровья человека, персонала, защите от патогенов и других вредных воздействий «биологического фактора». Например, данный термин используется при регламентации основ безопасности работы с микроорганизмами 1–4 групп патогенности. В свою очередь, «biosecurity» употребляется в контексте противодействия распро-

странению возбудителей опасных инфекционных болезней (в том числе животных) и различного рода вредителей растений и животных, а также «биотерроризму».

В настоящее время интерпретация бланкетного термина био-безопасность, предложенная представителями науки экологического права, позволяет его употреблять только в качестве непосредственного объекта состава нарушения правил безопасности при обращении с генно-инженерными организмами, экологически опасными веществами и отходами (ст. 278 УК РБ). Следовательно, использование термина биологическая безопасность в качестве видového объекта указанной группы преступлений станет предпосылкой для возникновения коллизии. Поэтому для целей оптимизации действующего уголовного законодательства рациональнее использовать формулировку «Медико-биологическая безопасность». Полагаем, что медико-биологическую безопасность можно определить как состояние защищенности жизни и здоровья граждан, общества, государства и окружающей среды от вредного воздействия патогенных биологических агентов, инвазионных видов и неинфекционных болезней животных и растений. Институционально, медико-биологическая безопасность – видовой объект для уголовно-правовых норм опосредующих обеспечение ветеринарно-санитарной безопасности (ст. 284 УК РБ), фитосанитарной безопасности (ст. 280 УК РБ), биологической безопасности и безопасности генно-инженерной деятельности (ст. ст. 278, 279 УК РБ).

В заключении необходимо отметить, что существующая редакция ст. 284 УК РБ не в полной мере учитывает специфику общественных отношений по обеспечению ветеринарно-санитарной безопасности. Это, в первую очередь, касается юридико-технических способов описания элементов рассматриваемого состава преступления. Так согласно ст. 65 (диверсия) УК БССР 1960 г. общественно опасными признавались случаи умышленного распространения заразных болезней животных. В УК РБ 1999 г. такие деяния были декриминализованы. Также необходимо отметить, что отсутствует дифференциация возможных субъектов преступления, не учтены в качестве возможного самостоятельного общественно опасного последствия – незаразные болезни животных, усматриваются коллизии со ст.ст. 336, 428 УК РБ и др.. Оптимизация положений ст. 284 УК РБ, возможна путем построения системы норм, представляющих собой четкий уголовно-правовой механизм охраны общественных отношений в сфере обеспечения ветеринарно-санитарной безопасности. Теоретическим базисом такой системы норм должен выступать именно объект преступления.

Литература

1. *Расторопов С.* Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива // Уголовное право. 2002. №1. С. 37–40.
2. Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2002. С. 735.
3. Применение ответственности за экологические правонарушения: учебно-методич. пособие для практических работников / Ин-т гос-ва и права Росс. Акад. наук; [М. М. Бринчук и др.]; отв. ред. О.Л. Дубовик. М., 2007.
4. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 2002.
5. *Струтинська-Струк Л. В.* Правове поняття біобезпеки як складової екологічної безпеки: проблеми визначення // Наук. вісник Чернівецького університету: Збірник наук. праць. 2004. Вип. 212. Правознавство. С. 84–89.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ ВОЗМЕЗДНЫХ УСЛУГ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ ЗАЩИТЫ

П. С. Соколов

В сфере безопасности жизнедеятельности населения отдельное место занимают частнопроводные отношения, которые основаны на договоре.

В законодательстве установлено, что аварийно-спасательные службы могут на договорной основе осуществлять противопожарную защиту. Заключаемые договоры на оказание аварийно-спасательной службой возмездных услуг противопожарной защиты в законодательстве не именованы.

Существенные и иные условия договора до 2004 г. в императивном порядке определял Типовой договор на организацию военизированной пожарной службы МВД на объектах народного хозяйства [1].

Согласно Типовому договору на юридическое лицо возлагалось обеспечение «Пожарной службы» пожарной техникой, транспортом, средствами связи и эксплуатационными материалами согласно нормам, утвержденным МВД, и осуществление их эксплуатационного обслуживания и ремонта. Кроме того, Типовой договор содержал ряд других условий, таких, как предоставление необходимых служебных и подсобных помещений с оборудованием и инвентарем, а также оказание коммунальных услуг (водоснабжение, освещение, отопление и ремонт помещений), выделение и оборудование территории для проведения пожарно-строевой и физической подготовки с отнесением затрат на смету субъекта хозяйствования.

Типовым договором устанавливалось, что размеры платы за противопожарное обслуживание объектов определяются сторонами в соответст-